

РАЗДЕЛ VII. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Н.П. Макаров.

Крестьянская Россия. Выпуск IV. Прага. 1923.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ВОПРОСАХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

С точки зрения объектов, которыми занималась русская экономическая мысль в области сельского хозяйства, можно выделить два основных русла в её работе и движении: в одном изучались *социальные отношения* внутри сельского хозяйства, в другом – вопросы *организации* сельского хозяйства.

В русской экономической мысли сложилось два направления – *социально-экономическое* и *организационно-производственное*. Первое занималось, по преимуществу, проблемами *распределения* и общественно-экономическими отношениями, складывающимися на почве присвоения народного дохода, второе во главу угла ставило проблемы *производства*, пытаясь установить принципы поведения во имя разумной организации производства.

Первое направление сложилось раньше и в русском образованном обществе пользовалось большим вниманием и влиянием. Работа мысли этого направления и широкий интерес к ней стимулировались борьбой настроений и идеологий славянофильства и западничества, народничества и марксизма, а также шедшей социально-политической борьбой в России.

Второе направление возникло позже и в широких общественных кругах пользовалось меньшим вниманием. Оно развивается вместе с тем, как русское крестьянское хозяйство внешне проявляет в целом ряде признаков значительный прогресс; оно развивается вместе с тем, как развивается в России общественная и правительственная агрономия, а затем – сельскохозяйственная кооперация. Работа мысли организационно-производственного направления стимулировалась технически-практическим интересом к сельскому хозяйству – прежде всего к хозяйству крестьянскому; она питалась стремлением помочь крестьянскому хозяйству в рационализации его производства и в улучшении его рыночных условий. Самые общие и наиболее отвлеченные вопросы, ставила и разрабатывала экономическая мысль второго направления, в конце концов должны были служить успеху указанных практических задач.

Цель настоящей статьи – обрисовать основные черты русской экономической мысли обоих направлений при постановке и решении вопросов эволюции сельского хозяйства и важнейшее содержание тех проблем, к которым она приходит в своем развитии.

I. Изучение социальных отношений в сельском хозяйстве.

В первый период изучения социальной жизни деревни, который можно считать продолжавшимся со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости до конца 80-х годов, главным предметом внимания было: *бедно или богато живет деревня после реформы 1861 года*. Большинство исследователей решало, что деревня нищает. Вопросы наделения крестьян землей, вопросы налогов и платежей, вопросы аренды, многие вопросы государственной политики и т.д. рассматривались, как факторы *обнищания* русской деревни.

Иногда внимание исследователей обращалось внутрь деревни, и там исследователи находили большие кадры «бедных» крестьян и немного «богатых»; исследователей интересовали в таком случае не столько социальные отношения *между* «бедными» и «богатыми», сколько установление самого факта бедности или богатства и *количественное его измерение*. Настроение *пессимизма* преобладало и при подходе к исследованиям и в итогах исследований.

Только некоторые стороны жизни русской деревни рассматривались с радужным настроением; это радужное настроение диктовалось больше социальной философией исследователей, чем самими фактами жизни.

Настроение радужности было связано с славянофильскими настроениями, которые были так сильны раньше в аристократических слоях русской интеллигенции; отыскивая истинно-славянские и истинно-русские особенности, славянофилы «открыли» земельную общину. Община владела землей. Лет через 12-15 она переделывала землю между своими членами. Члены общины пользовались пахотной и сенокосной землей индивидуально; остальной же землей (выгоном, лесом и т.п.) они пользовались сообща. Уравнительная земельная община казалась славянофилам прирожденной особенностью русского народа.

Это отношение к общине осталось и в дальнейших поколениях русской интеллигенции. Народническое течение русской мысли полагало, что «в общине творится социальная правда». Когда в рядах интеллигенции стали нарастать социалистические настроения, то было заявлено: к социализму в России мы придем без ужасов западноевропейского капитализма; нам не надо «вывариваться в котел капитализма»; община с её справедливостью и уравнительными переделами переведет нас непосредственно в социалистическую организацию общества.

Когда такое отношение к общине было установлено, то проблема социальных отношений в деревне получила особый интерес и остроту и особый социально-философский привкус.

В 90-х годах в Россию проникают идеи марксизма; они глубоко захватывают широкие круги интеллигенции и завоевывают довольно быстро свои позиции в рядах экономистов – исследователей деревни. Одна из центральных идей марксизма была идея о классовом расслоении современного общества; русские марксисты утверждали, что в России развивается капитализм, как и в других странах; в деревне, говорили они, разрушается община, и образуется класс буржуазии и класс пролетариата.

Марксисты занялись для обоснования своих положений изучением вопроса о пролетаризации деревни.

Народническое течение русской экономической мысли, взявшее свое начало у славянофилов, подкрепившее себя впоследствии методами и приемами немецких «ревизионеров» (Давид и Бернштейн), пробовало доказывать, что капитализм в России имеет мало шансов на успех, что в деревне не наблюдается роста пролетариата и буржуазии, а наоборот видна нивелировка, что передельная община развивается, а не гибнет.

Ещё в 70-х – 80-х годах земствами начаты были статистические исследования крестьянских хозяйств; при обработке полученного колоссального статистического материала исследователи получали возможность рассмотреть, как организовано сельское хозяйство в разных социальных группах; но у них было мало интереса к этой стороне вопроса; их больше увлекала разгадка загадки: свершается ли капитализация деревни или нет?

И не только путем *статистических* исследований, сколько в результате предварительной работы *теоретической* мысли, осветившей собой статистические материалы, спорящие стороны стали приходить к всё более схожим выводам (напр.: марксист П.П. Маслов и народник Н.П. Огановский).

Основной вывод тут можно сформулировать так.

Если производительность труда возрастает, то вместе с этим количественно возрастают группы хозяйств наиболее обеспеченных; в то же время отмечается общая перегруппировка всех хозяйств в сторону обогащения и укрупнения. Если производительность труда в сельском хозяйстве падает, то обнаруживается общая перегруппировка, передвижка всех хозяйств вниз, в сторону социальных низов.

Марксисты и некоторые из народников находили районы России, где наблюдалась дифференциация хозяйств, т.е. рост обеих крайних социальных групп за счет убыли средних. Это наблюдалось обычно в районах малоземельных с молодым зерновым хозяйством и с признаками сравнительно высокой производительности труда.

Интересно в заключение подчеркнуть, что обе спорившие стороны – народники и марксисты – признавали, что *нет единой формулы для эволюции социальных отношений*. В разных случаях эволюция идет разными путями.

2. Типы хозяйств и теории потребительного хозяйства.

В процессе только что обрисованного спора о социальных отношениях в деревне наметился длинный ряд классификаций крестьянских хозяйств.

Приемы статистической группировки хозяйств по социальным типам в русской сельскохозяйственной статистике были так многообразны и так разработаны, как нигде.

В начале преобладали более простые, элементарные группировки – по числу рабочих лошадей или по земельной площади, используемой в хозяйстве. Потом появились группировки по размеру крестьянской семьи или числу работников в семье, как важному признаку для изучения трудового семейного хозяйства.

Но особенно интересны были главным образом последующие группировки – с точки зрения пользования и непользования наемным трудом сельскохозяйственных рабочих и отрывания и неотрывания своих рабочих сил от своего хозяйства.

Эти группировки дали возможность выделить чисто *трудовые хозяйства*, не пользующиеся наемными рабочими и достаточно обеспечивающие себя доходом от сельского хозяйства; такие хозяйства не имели своих рабочих сил, уходящих из хозяйства на сторонние заработки; с другой стороны эти же группировки выделяли хозяйства *более капиталистического склада* и хозяйства *более пролетаризирующегося типа*, не вмещающие в себе всех рабочих сил семьи.

В результате наметилась следующая социальная шкала хозяйств, значительно напоминающая известную шкалу немецких сельскохозяйственных экономистов:

I. Пролетаризирующиеся.	II. Трудовые	III. Капиталистически-трудовые	IV. Капиталистические
Малое хозяйство. Избыток рабочих рук. Уход на сторонние заработки. Потребление семьи лишь частично опирается на доход от сельского хозяйства.	Сельское хозяйство поглощает рабочие руки крестьянской семьи. Отхода на сторонние заработки нет, или он ничтожно мал. Потребности семьи удовлетворяются доходом от сельского хозяйства.	Сельское хозяйство превосходит рабочие силы семьи, но члены семьи принимают участие в работах. Используется наемный труд. Совершается накопление богатства в хозяйстве.	Сельское хозяйство настолько велико, что хозяин выступает как организатор-руководитель хозяйства. Исполнительная работа выполняется наемным трудом.

У марксистов и у некоторых других экономистов была как бы предпосылка о том, что крестьянское хозяйство есть хозяйство по духу своему *приобретательское*; это хозяйство всегда стремится к увеличению и росту своих доходов, как любое коммерческое хозяйство; интересы семьи, запросы семьи – всё это не влияет на жизнь

хозяйства, на его мотивы; это хозяйство, стремясь к богатству, становится капиталистическим, как только это позволяют объективные условия.

Совсем другое понимание крестьянского хозяйства стало складываться у народников; оно затем было подхвачено другими сельскохозяйственными экономистами и разработано в совершенно самостоятельную и довольно законченную концепцию.

Сначала народники говорят о трудовом хозяйстве с объективной точки зрения, т.е. понимая под ним такое хозяйство, которое обходится во всех работах *рабочими силами только своей семьи*.

Но затем развивается понимание «*потребительного хозяйства*» почти в том самом смысле, в каком в Германии В. Зомбарт развивал теорию потребительного ремесленного хозяйства для средних веков. «Просуществовать от доходов рук своих» – было хозяйственным мотивом средневекового ремесленника по теории В. Зомбарта.

Вести сельское хозяйство для того, чтобы на доход от него могла просуществовать крестьянская семья – стало теоретической концепцией многих русских сельскохозяйственных экономистов. Это создавало новое субъективное понимание крестьянского хозяйства. Это понимание как бы находило себе объективное отображение в тех пределах земли внутри общины, при которых земля распределялась между членами общины, пропорционально едокам; в то же время немалая доля общин распределяла свою землю пропорционально рабочим силам; но при этом даже устанавливалась исследователями тенденция, что чем более сельское хозяйство начинало процветать, тем чаще встречались случаи передела по едокам, т.е. потребительный принцип торжествовал.

Таким образом, потребительно-трудовая семья становилась центральным пунктом для понимания крестьянского хозяйства; её трудовыми силами её потребительными интересами определялась жизнь хозяйства.

В девяностых годах и позже чрезвычайно развиваются статистические исследования (очень подробные) доходов и расходов отдельных крестьянских хозяйств.

Экономисты пристально изучают потребительный бюджет крестьянского хозяйства; позже переходят к изучению производительности при помощи бюджетного анализа каждого отдельного хозяйства.

Как бы теоретическим завершением этих исследований с точки зрения теоретического понимания крестьянского хозяйства, как потребительского, явилась разработка следующего положения (А.В. Чаянова): крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительное потому, что в своих размерах, организации и трудовом напряжении оно определяется *потребительными запросами семьи*.

Подтверждением этого правила являлся статистический анализ, показавший, что вместе с ростом «обремененности одного работника едоками растет продуктивность

одного работника»; это подтверждалось, как при анализе продуктивности работника, выраженной в денежных единицах, так и при анализе в сумме годовых часов труда, затраченных работником.

Этот анализ был проверен на швейцарских (бюджеты Лауэра) и германских данных, и были получены те же результаты. Подсчеты, сделанные на приходно-расходных данных, касавшихся рабочих семейств и семейств средних классов (Германия), не подтверждали этой тенденции; отсюда делался вывод о специфической приложимости «потребительного» понимания хозяйства к сельскому хозяйству.

Это понимание крестьянского хозяйства, как хозяйства, живущего «потребительским мотивом», было использовано целым рядом исследователей крестьянского хозяйства.

Едва ли следует считать «потребительное» понимание и «приобретательское» понимание вообще взаимно вытесняющими; дело в том, что одно само по себе потребительное понимание без учета объективно-данной обстановки не является достаточным. Только синтезируя с объективными условиями, в которых крестьянское хозяйство существует, как трудовое хозяйство, мы получаем законченное представление о «потребительно-трудовом хозяйстве»; это будет хозяйство, достаточно обеспечивающее рабочие силы семьи работой, не пользующееся наемными рабочими и определяющееся в своих организационных планах потребительными мотивами семьи.

Понимаемое так, потребительно-трудовое хозяйство является лишь *одним из социальных типов*, о которых речь была выше. Потребности людей не только обладают гибкостью, но и способностью расти постоянно; они и с точки зрения крестьянской семьи не знают своих законченных пределов; таким образом стимул к расширению хозяйства и повышению продукции не приостанавливается; в большей степени это вопрос *объективных* условий, и когда такие условия имеются, тогда приобретение богатства обгоняет рост потребностей; приобретение богатства становится *самоцелью*; хозяйство становится капиталистическим; а в *промежуточном* состоянии оно является *капиталистически-трудовым*. В этом состоянии находится подавляющее большинство американских фермерских хозяйств и имеет смешанную капиталистически-трудовую природу, которая почти совсем лишена чисто «потребительных» мотивов.

Таким образом, наметился синтез двух враждовавших теоретических концепций.

3. Системы и направления сельского хозяйства.

Оставим на время социальные проблемы и обратимся к совершенно другим проблемам, к организационным – с тем, чтобы потом снова вернуться к социальным проблемам.

В России учение об организации сельского хозяйства в огромной части было заимствовано из Германии и лишь отчасти из Франции и Англии. Одним из центральных пунктов в этом учении было понятие системы хозяйства.

Система сельского хозяйства определяется сложением *трех основных факторов* производства: *труда, капитала и земли*. Различные количественные сочетания этих факторов создают различные системы сельского хозяйства; экстенсивные системы будут характеризоваться малыми затратами труда и капитала в расчете на земельную площадь, интенсивные – наоборот – большими затратами труда и капитала.

Интенсификация хозяйства ведет за собою рост валового дохода с единицы земельной площади.

Если верен закон убывающей производительности последовательно возрастающих затрат одного и того же фактора, то интенсификация должна сопровождаться убывлю производительности труда и капитала. Многие сельскохозяйственные экономисты, воспитанные на английской политической экономии, стояли на точке зрения закона убывающей производительности.

Это абстрактное представление об экстенсивных и интенсивных системах сельского хозяйства прилагалось к конкретному материалу из истории сельского хозяйства.

Исследователям оставалось брать исторический материал и, анализируя его под углом зрения соотношения затрат труда и капитала к земле, определять интенсивность конкретных хозяйств.

Практическая трудность такого анализа, а также влияние немецкой исторической школы привели в 90-х годах к другой точки зрения на вопрос о системе сельского хозяйства.

Система сельского хозяйства определяется его направлением, т.е. *теми отраслями сельского хозяйства, от которых получается главная часть доходов хозяйства*; так, создается представление о зерновом хозяйстве, мясном, льняном, картофельном, молочном и т.д.; вся организация хозяйства в целом рассматривается под углом зрения *направления* хозяйства; все отдельные части хозяйства мыслятся не как самостоятельные независимые части; наоборот, они мыслятся, как части, соподчиненные главной отрасли или главным отраслям, от которых зависит всё хозяйство в целом.

Система сельского хозяйства, как соотношение трех факторов производства, казалось, противоречила этому только что очерченному пониманию системы хозяйства с точки зрения его *направления*.

Спор довольно скоро разрешился синтезом двух точек зрения; этому синтезу в России способствовали работы Аэробоз, Лауэра и др. в Германии и Швейцарии, тоже подошедших вплотную к такому же синтезу.

Всякое направление сельского хозяйства является в то же время и показателем интенсивности организации сельского хозяйства. Всякой части хозяйства может быть дана оценка с точки зрения интенсивности, т.е. соотношения затрат труда и капитала в расчете на единицу площади.

В этом отношении можно разместить в порядке возрастающей интенсивности следующие признаки:

Сельскохозяйственные угодья в порядке возрастающей интенсивности	Приемы восстановления плодородия почвы.	Полевые культуры в порядке возрастающей интенсивности	Отдельные виды скотоводства в порядке растущей интенсивности
1. Пастбища. 2. Сенокосы, леса. 3. Пашни. 4. Усадьба.	1. Залежь. 2. Пар. 3. Навозное удобрение. 4. Навозное удобрение + посев азото-собирающих. 5. Навозное + покупное химическое удобрение + плодосменный севооборот.	1. Зерновые. 2. сеновые травы. 3. Подсолнух, кукуруза. 4. Картофель, свекла, капуста. Садовые культуры.	1. Овцы. 2. Конский молодняк в табунах. 3. Молодой мелкий крупно-рогатый скот. 4. Свиньи. 5. Коровы.

Даже не имея количественной характеристики каждого признака, а пользуясь различными вариантами этих признаков лишь в порядке их возрастающей интенсивности, исследователи могут проникать довольно глубоко в анализ интенсивности направления той или иной системы сельского хозяйства...

Территориальный простор России с огромной амплитудой в смене сельскохозяйственных форм от кочевого скотоводческого быта до высоко-интенсивного огородного хозяйства под столицами дал возможность широко – и статистически (А. Челинцев) и теоретически (Бруцкус) – подойти к анализу этих вопросов. Были даже разработаны статистические методы установления *коэффициентов интенсивности систем сельского хозяйства*.

Россия, Европейская и Азиатская, анализировалась по районам, при этом каждый район устанавливался как *одна из стадий в эволюции сельского хозяйства*; географическая смена районов представляла собою как бы историческую эволюционную смену систем. Для пояснения этой мысли можно перечислить следующие направления систем сельского хозяйства, располагающиеся в порядке возрастания их интенсивности.

- 1) Кочевое скотоводческое хозяйство –
  - а) с преобладанием овцеводства (самое экстенсивное).
  - б) с преобладанием коневодства (переходное).

- в) с преобладанием мясного крупного рогатого скота (наиболее интенсивное в этом типе хозяйства).
- 2) Зерновое целинное или залежное хозяйство с мясным скотоводством.
- 3) Зерновое-паровое хозяйство с мясным или масляным скотоводством.
- 4) Паровое-зерновое хозяйство с овцеводством (на паровых пастбищах)
- 5) Паровое-зерновое хозяйство с свиноводством.
- 6) Зерновое корне-клубнеплодное с свиноводством.
- 7 Травопольно-корне-клубнеплодное с свиноводством и молочным хозяйством.

Эти семь ступеней расположены в порядке возрастающей их интенсивности; географически они вытянуты через всю Россию, начиная в Азии от глубин киргизских степей на границе с Китаем, проходя через всю Сибирь и вытягиваясь через всю черноземную полосу Европейской России до Киевской и Подольской губерний включительно.

Конкретная смена очертания системы сельского хозяйства определяются многими факторами; но важно то, что эти смены есть и наблюдаются как при историческом методе, так и при географическом.

При этом, если не злоупотреблять географическим методом, то он дает в руки исследователя агронома или экономиста-политика богатые практические указания; он воодушевляет на предсказания грядущей эволюции каждого района по последующему району, охватывающему более интенсивную стадию сельского хозяйства.

Таким образом в синтезированном понимании *направления* сельского хозяйства, как другого способа выражения системы и, следовательно, интенсивности в организации сельского хозяйства мы нашли для себя ценный методологический инструмент для анализа конкретной действительности.

4. Некоторые специальные вопросы, касающиеся систем сельского хозяйства.

Говоря о системах сельского хозяйства, мы отделяем *экстенсивные* типы от *интенсивных*. Экстенсивные характеризуются затратами в большом количестве земли и малого количества труда и капитала. Интенсивные, характеризуясь обратными количественными сочетаниями, в свою очередь, делятся на два типа: а) *трудоинтенсивные* – те, в которых затрачивается много труда при малом количестве капитала и земли, и б) *капиталоинтенсивные*, в которых затрачивается много капитала при малых затратах труда и земли.

Ясно, что эти три типа – экстенсивный, капиталоинтенсивный и трудоинтенсивный - не исчерпывают собою всех основных вариаций; должны существовать ещё другие

сочетания, в которых под два фактора из трех должны быть затрачены в большем количестве в сравнении с малыми затратами третьего фактора.

Ясно далее, что и этими типами (сочетаниями) мы не исчерпываем всех логически-мыслимых комбинаций; их гораздо больше, так как имеется масса *количественных* вариантов для каждого фактора; каждый новый количественный вариант каждого фактора будет создавать новый тип сочетания трех факторов. так мы походим к многообразию жизни.

Но всё же теоретическая мысль, поскольку она вообще возможна, по своей природе есть схематизация и установление закономерностей среди всех вариантов сочетания факторов сельского хозяйства.

Одного такого обобщения мы уже коснулись выше; мы указали уже на то, что положением об убывающей производительности затрат труда и капитала при росте интенсивности пользуется значительным признанием в русской сельскохозяйственной литературе.

Теперь это положение должно быть углублено и детализировано.

Каждый фактор, сохраняясь в прежнем качественном виде, будучи применяем во все возрастающем количестве, теряет свою производительность; в то же время каждый другой фактор, который представлен в наименьшем количестве, будет отличаться наибольшей производительностью, ибо использование его будет наибольшим.

Поэтому можно установить следующие экономические соотношения.

1. *Чем экстенсивнее система сельского хозяйства, тем меньшей производительностью отличается единица земельной площади, но тем выше оплачивается час труда и каждый рубль, вложенный в производственный капитал.*

2. *Чем капиталоемнее система сельского хозяйства, тем меньшей производительностью отличается каждый рубль, затраченный в капитал, и наоборот – тем выше оплачивается труд и земля.*

3. *Чем трудоёмнее система сельского хозяйства, тем меньшей производительностью отличается один рабочий час, и наоборот – тем выше оплачиваются затраты капитала и земли.*

Очевидно, что промежуточные переходные количественные комбинации будут давать и переходные типы изменения их производительности.

Все эти закономерности могут не иметь места в тех случаях, когда изменяется *форма* и *способ* затрат и использования того или иного фактора; эти изменения мы уславливаемся называть изменениями *техническими*, качественными, а не количественными; изменения в технике, как качественные, а не количественные

изменения, как-бы *приостанавливают* действие «закона» понижающейся производительности фактора, затрачиваемого в увеличивающемся количестве, а также могут приостанавливать повышающуюся производительность количественно наименее затрачиваемого фактора.

С этим не надо смешивать то разнообразие жизненного опыта, которое иногда встречается как бы в противоречии с только что намеченными закономерностями.

Возьмем для примера полевые культуры: пшеница, клевер, кукуруза и картофель. Эти культуры поставлены в порядок возрастающей трудоинтенсивности; в то же время они одна за другой оплачивают *единицу земельной площади* выше и выше; но если мы обратимся к оплате одного *рабочего часа*, истраченного на каждую культуру, то в америке мы встречаем совсем иную картину, чем в России или нередко в Западной Европе; в Америке картофель нередко оплачивает один час работы выше, чем кукуруза, а последняя выше, чем пшеница; в России или Западной европе нередко наблюдается обратное; разница проистекает из того, что в Америке вместе с трудоинтенсификацией следует капиталоинтенсификация: применение удобрений, машин и конской тяги там, где в Европе преобладает ручная работа; при этом, если капиталоинтенсификация обгоняет трудоинтенсификацию, то мы и получаем повышение оплаты 1 часа труда в более интенсивных культурах.

Но так как направлений сельского хозяйства очень много, и так как каждое направление хозяйства есть в то же время и свой вариант интенсивности, то уследить и наблюсти в реальной жизни всё только что намеченные закономерности в высшей степени трудно. Однако, важно принципиальное признание этих положений; они могут быть полезны, как рабочий мыслительный инструмент при анализе явлений в жизни.

Всё сказанное проливает свет и ещё на один вопрос: на вопрос о хозяйственной оценке как организации хозяйства, так и её результатов.

Когда сравнивают два или более хозяйств и говорят, что одно поставлено лучше, чем другое, аргументируют указаниями, что «доход в расчете на затраченный капитал выше», или «доход в расчете на единицу земельной площади выше», или что «хозяева за свою работу получили больше».

В русских сельскохозяйственных исследованиях мы часто встречаем оценку хозяйства с точки зрения дохода на единицу земельной площади; в Америке преобладает оценка по высоте так называемого «трудового дохода» или по высоте дохода на капитал.

Так как американский «трудовой доход» представляет собой валовой доход и с вычетом из него расходов по хозяйству, расходов на содержание семьи и хозяина, расходов на оплату работ членов семьи, процентов на весь капитал, вложенный в

хозяйство, то такой трудовой доход как-бы оплачивает работы самого хозяина и его «предпринимательскую прибыль».

Такая разница между русскими и американскими приемами оценки хозяйства и дохода от него получается отчасти вследствие того, что в России преобладает «потребительно-трудовой» тип сельского хозяйства, тогда как в Соединенных Штатах скорее «капиталистически-трудовой»; следовательно, самые мотивы хозяйств в том и другом случае должны быть различны, как мы выяснили это в главе 3.

Но есть и другое более глубокое объяснение такому различию точек зрения; оно состоит из экономических соображений, касающихся опять-таки возрастающей и убывающей производительностью каждого из факторов при изменениях в их количественных соотношениях.

У хозяина оценка каждого фактора определяется с одной стороны в связи с *обеспеченностью* данным фактором, а с другой — в связи с *относительной производительностью* данного фактора.

Если, например, мы имеем экстенсивную систему хозяйства, то с одной стороны хозяин будет оценивать каждый акр имеющейся у него земли ниже, он легко пойдет на небрежное и поверхностное использование её и даже на частичное расхищение её; но в то же время он будет высоко ценить затрачиваемый труд и капитал, которых у него мало по сравнению с землей; оценка предметов с точки зрения редкости и нередкости их будет руководить хозяином.

Как бы навстречу этой оценке выдвигается оценка тех же предметов с точки зрения их производительности или полезности для хозяйства; если хозяин будет как бы «вменять» каждому фактору долю его участия в создании общего дохода; мы уже знаем, что более «редкие» факторы характеризуются более повышенной производительностью, и, наоборот, количественно лучше представленные факторы характеризуются более пониженной производительностью; оценка по «редкости» фактора будет соответствовать оценке по «производительности».

Теперь ясно, что при экстенсивной системе хозяйства организация хозяйства будет оцениваться с точки зрения затраченного на хозяйство капитала и труда; при интенсивной же системе, наоборот, организация будет больше оцениваться с точки зрения оплаты земли.

Так как в Соединенных Штатах земельное обеспечение хозяйств в тех же самых сельскохозяйственных районах, как и в России, значительно больше (в 3-6 раз), то ясно, насколько в Соединенных Штатах больше должна быть выдвинута точка зрения оценки организации хозяйства по оплате труда или капитала, тогда как в России оценка с точки зрения земли может превалировать. Но в то же время в Соединенных Штатах в районах

более интенсивного сельского хозяйства, например в New England всё чаще уже наряду с оценкой по оплате труда или капитала начинает встречаться оценка по оплате одного акра; и соответственно этому в России в районах более многоземельных (Сибирь, Юго-Восток) оценка организации хозяйства по оплате I десятины мало помогает пониманию хозяйства, и оплата труда должна являться довольно важным принципом при оценке организации хозяйства.

Таким образом нет единой оценки качественного совершенства и рациональности организации хозяйства, даже если бы мы брали для сравнения только «потребительно-трудовые» хозяйства или только «капиталистически-трудовые» хозяйства; система хозяйства в значительной мере предрешает выбор признака для оценки организации хозяйства в пределах того или иного социального типа хозяйства.

5. СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕРЕВНИ.

Наше тройное деление основных систем сельского хозяйства на экстенсивные, трудоинтенсивные и капиталоемкие очень важно для понимания эволюции социальных отношений в деревне.

Организация сельского хозяйства различна в разных социальных типах хозяйства в пределах одной и той же местности. Это можно наблюдать как в хозяйствах Западной Европы, России, так и в Америке. При этом ясно намечается, что хозяйства более крупные строятся более экстенсивно; хозяйства более мелкие строятся более трудоинтенсивно; капиталоемкость намечается обычно больше в составе крупных хозяйств, чем в составе мелких.

Следующий пример из американской практики это ясно иллюстрирует.

Группы хозяйств.

Акр в среднем на 1 ферму	Затрачено труда в расчете на 1 акр в долларах	Затрачено капитала в производстве на 1 акр в долларах	На 100 долларов затрат труда затрачено капитала в долларах	Весь доход в расчете на 1 акр в долларах	Доход в расчете на 100 долларов капитала в производстве (за вычетом расхода на капитал)	Доход в расчете на 100 долларов в труде (за вычетом расходов на труд)
21	19,9	13,8	69	26,1	89	31
49	8,1	7,6	94	14,2	86	75
83	5,6	6,3	112	12,5	98	98
124	4,5	6,1	135	11,6	90	123
177	3,9	5,2	133	10,9	109	157
261	3,3	5,2	157	10,9	109	179

Одна хозяйственная группа от другой отличается по обеспеченности землей, при этом оказывается, что чем крупнее хозяйства, тем они менее трудоинтенсивны; в то же время понижается и их капиталоемкость, но она понижается медленнее, чем трудоинтенсивность, поэтому затраты капитала по сравнению с затратами труд растут с переходом к группам более крупных хозяйств.

В результате такого различия в организации хозяйства, более мелкие хозяйства получают повышенную оплату 1 акра, но более пониженную оплату каждого доллара, вложенного в производственный капитал, и особенно пониженную оплату труда, затраченного в хозяйстве; наоборот, более крупные хозяйства получают пониженную оплату земли, более повышенную оплату капитала и особенно повышенную оплату труда.

Эта связь между размерами хозяйств и организационным тоном хозяйств не случайна; в следующих строках мы намечаем основные черты этой связи в её эволюционном разрезе.

Говоря схематически, эволюция систем сельского хозяйства состоит в переходе от экстенсивных систем к интенсивным.

Если эта эволюция сопровождается ростом трудоинтенсивности, то, как мы уже знаем, производительность труда будет понижаться; этого достаточно, чтобы в деревне развитие хозяйств капиталистически-трудового типа было приостановлено, и даже, наоборот, началось преобладание хозяйств потребительно-трудового типа. При падающей производительности труда хозяину всё труднее пользоваться наемными рабочими; он будет вынужден платить пониженную плату наемным рабочим; наемный рабочий будет доставлять хозяину всё меньше выгод от своего найма. Всё это мешает развитию применения наемного труда.

С другой стороны при трудоинтенсификации накопление богатства идет медленнее, а потому количественный рост группы капиталистически-трудовых хозяйств (прежде всего требующих концентрации богатств в руках таких хозяйств) должен быть задержан.

Наконец, необходимо указать, что вместе с ростом трудоинтенсификации семейная форма хозяйства (а потребительно-трудовое хозяйство и является семейным) получает новые выгоды: в более трудоинтенсивных системах труд распределен нередко *довольно равномерно* и требуется в достаточно большом количестве для того, чтобы занять полностью все рабочие силы семьи.

Совсем другая картина получается, если развивается *капиталоинтенсивная* система сельского хозяйства; развитие этой системы в том и состоит, что *требуется приложение капитала во все возрастающем количестве*, а дать капитал и должны хозяйства капиталистически-трудового типа.

Но для этого в свою очередь требуется предварительное накопление богатств, которое и совершается гораздо быстрее при росте капиталоинтенсивности; ибо в этом случае производительность труда повышается, и накопление богатств в расчете на одну голову населения будет совершаться ускоренным темпом. Теперь хозяйства, применяющие более капиталоинтенсивную систему, могут получать большую выгоду не только от использования своих рабочих сил, но также и от использования наемных

рабочих, ибо труд становится более производительным; даже больше того – вместе с ростом капиталоинтенсивности, а следовательно, и ростом производительности труда, заработная плата сельскохозяйственных наемных рабочих может быть повышена без ослабления накопления богатства в руках хозяйств, пользующихся наемным трудом.

Ясно, что и в других вопросах, как-то – борьба между хозяйствами за землю при помощи земельной ренты, конкуренция между хозяйствами при помощи покупных и продажных цен на сельскохозяйственные продукты и т.д. – всё это ставит в далеко не в одинаковое положение разные социальные группы хозяйств в зависимости от организационного содержания эволюции.

Таковы два основных варианта при эволюции хозяйства от экстенсивных систем к интенсивным. Но нетрудно понять, что эти два варианта лишь два полюса, между которыми укладываются все другие промежуточные эволюционные типы.

Каждое направление сельского хозяйства выражается своей величиной в коэффициенте интенсивности ($p = (\text{труд} + \text{капитал}) / \text{земля}$). Одни направления эволюционно перестраиваются в другие направления; смены коэффициентов и типов интенсивности в реальной жизни безгранично многообразны; поэтому так и неудачны попытки найти *единую тенденцию* эволюции социальных отношений, так как она складывается из условий *социального порядка* с одной стороны и из условий *технического порядка* с другой (выбор направления хозяйства для каждого места при каждой новой ступни интенсивности); между этими условиями существует свое взаимодействие, чем ещё более подтверждается невозможность установить единую тенденцию эволюции.

Действительно, одно и то же направление сельского хозяйства, но в разных районах или странах и даже в разных социальных группах будет организовано по-разному; так, например, молочное скотоводство в Западной Европе и России является более трудоинтенсивным, чем в Америке, где зато несколько более подчеркнута его капиталоинтенсивность; также и пределах одного и того же района в Европе и Америке молочное хозяйство организовано более капиталоинтенсивно в капиталистически-трудовых группах и более трудоинтенсивно в потребительно-трудовых группах.

Таким образом проводившаяся ранее (в главе 3) формула русских сельскохозяйственных экономистов, интересовавшихся эволюцией социальных отношений, нашла себе конкретизацию и более точное объяснение, и в то же время наметился синтез двух течений: *нельзя понять эволюции социальных отношений без эволюции систем сельского хозяйства; но и наоборот, эволюция систем сельского хозяйства не может быть понята без эволюции социальных отношений*; эти две проблемы, синтезируясь, не могут исчерпывающе покрыть одна другую, ибо каждая из

них встречается часть условий, уже данных для анализа и не зависящих от другой проблемы.

В то же время должна окончательно отпасть вера в единый тип эволюции социальных отношений, уже по одному тому, что невозможно установить единого типа смены направлений сельского хозяйства, единого направления в изменениях коэффициентов систем сельского хозяйства; следовательно, и социальные отношения, находящие себе проявление в изменениях направления и систем, не могут иметь единой эволюционной схемы¹.

6. Факторы эволюции направлений, систем и социальных отношений в сельском хозяйстве.

В этом вопросе мы стоим под сменяющимся влиянием нескольких теоретических концепций в Западной Европе и самой России.

Главным образом три основных фактора были выдвинуты в разное время русскими экономистами: *рынок, плотность населения и естественно-исторические условия*.

¹ На материале Северо-Американских Соединенных Штатов дадим одну иллюстрацию того, как в пределах одного народного хозяйства в разное время выявляются разные типы эволюции.

Беря средние величины для всей страны, мы, конечно, делаем большую первую методологическую ошибку; следующую ошибку мы делаем, предполагая, что «население занятое в сельском хозяйстве» выражает особую массу труда, затрачиваемого в сельском хозяйстве; третья допускаемая ошибка состоит в том, что мы берем не всю землю на фермах, а землю, поступающую в обработку; наконец, последнее допущение, уменьшающее качественную ценность итогов наблюдения, состоит в том, что мы оперируем с капиталом, вложенным в хозяйство, пользуясь оценками этого капитала, особыми для каждой новой переписи; но имея в виду иллюстрационное значение нижеприводимых подсчетов, мы, несмотря на все отмеченные и ранее допущенные нами ошибки, получаем следующую интересную смену типов эволюции в С-Штатах на протяжении 40 лет.

Период с 1870 по 1890 г. в С-Штатах был периодом роста экстенсивного хозяйства; при этом капиталоемкость росла быстрее трудоемкости; к сожалению, для этого периода нельзя установить характера изменений социальных отношений. Сказанное можно видеть из следующего:

Процент годового роста:

Годы	Земли в обработке	Ценности капитала, вложенного в живой и мертвый инвентарь	Числа лиц, занятых в сельском хозяйстве
с 1870 по 1880	5,1	5,0	3,0
с 1880 по 1890	2,6	2,2	1,9

Затем этот период роста экстенсивного хозяйства с преобладанием роста затрат капитала над затратами труда прошел и сменился периодом общего преобладания капиталоемкости; при этом затраты труда продолжали ещё отставать в своем росте от роста «земли в обработке», т.е. совершалась трудо-экстенсификация. Это был короткий период с 1890 г. по 1900 г. Он сменился новым периодом, когда продолжающаяся капиталоемкость дополнялась трудоемкостью; прибавки земли отставали от роста рабочих, занятых в сельском хозяйстве, и ещё более отставали от роста затрат капитала.

Количественную характеристику обоих периодов можно видеть из следующих цифр:

Процент годового роста:

Годы	Ценности капитала, вложенного в живой и мертвый инвентарь	Земли в обработке с.-х.	Числа лиц, занятых в	Числа наемных рабочих в с.-х.
с 1890 по 1900	5,2	1,6	1,3	4,7
с 1900 по 1910	6,9	1,5	2,1	3,5

При этом в первый период рост капиталистических отношений шел особенно ускоренным темпом; коэффициент роста наемных рабочих в 3,6 раза выше коэффициента роста числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, тогда как во второй период первый коэффициент выше второго всего лишь в 1,7 раза; при этом во второй период коэффициент роста числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, увеличился, тогда как коэффициент роста числа наемных рабочих в сельском хозяйстве уменьшился; в первый период совершалась капиталоемкость, и капиталистические отношения развивались особенно быстро; во второй период капиталоемкость стала сопровождаться трудоемкостью, и темп развития капиталистических отношений замедлился.

Таков в грубых чертах иллюстрация на американских материалах к нашим эволюционным типам.

Известная теория германского экономиста Тюнена, выраженная им в его книге “Die isolierte Stadt”, оказала особенно большое влияние. Всё построение Тюнена было основано на том, что чем ближе хозяйство к рынку, тем интенсивнее оно организуется; соответственно интенсивности меняется и направление хозяйства, начинаясь от интенсивных систем сельского хозяйства под самым городом в виде огородного направления и заканчиваясь наиболее экстенсивными системами скотоводческими и охотничьими в отдаленных районах.

Расходы на транспорт и физическая транспортабельность товаров влияют на местные цены, на интенсивность и на направление хозяйства.

Это понимание влияния рынка, опирающееся на распространенное в России учение Рикардо о земельной ренте, было дополнено большим вниманием русских марксистов к проблеме рынков, благодаря спорам о возможности и невозможности развития в России капитализма.

К этому присоединилось влияние русской обстановки. В 80-90-х годах значительная часть крестьянского хозяйства жила ещё в значительной мере натуральным хозяйством, т.е. не отчуждая продуктов из хозяйства; в то же время начиналось развитие рыночных отношений; сбыт зерна, льна, картофеля, молока, свиней и т.д. начинал играть всё большее значение. Одновременно с этим правительство, в целях своей промышленной и особенно финансовой политики (накопление золотого запаса для проведения денежной реформы, оздоровление государственного бюджета и т.п.) при помощи железнодорожного строительства и налогов, усиливало и ускоряло внедрение рыночных отношений в деревню. Всё это ещё более фиксировало внимание экономистов на рынке, как условии эволюции сельского хозяйства.

Рынку (высоким ценам, рыночному спросу, емкости рынка) принадлежала немалая роль в прогрессивной перестройке крестьянского хозяйства. Отдельные экономисты стали уделять исключительное внимание рынку, как основному фактору эволюции сельского хозяйства. Казалось даже, что без изменений на рынке не могут иметь места массовые изменения в хозяйстве.

Но наряду с этой точкой зрения развивалась и другая. Оно состояла в том, что организация сельского хозяйства в крестьянском хозяйстве зависит от *плотности* сельского населения; рост плотности сельского населения ведет за собою рост интенсивности сельского хозяйства. Эта точка зрения имела не мало обоснования в исследованиях германской исторической школы (Рошер, Шмоллер), но она также находила подтверждение и в русских условиях.

Однако, со всей всевозможной силой эта точка зрения была выдвинута и развернута в девятисотых годах профессором А.Н. Челинцевым. Им была положена в основу анализа

сельского хозяйства, как принцип исследования, плотность сельского населения разных районов России.

Вглядываясь в направление сельского хозяйства и в интенсивность каждого направления, А.Н. Челинцев установил связь между плотностью сельского населения и системами сельского хозяйства. Однако, и Челинцев в своих первых работах указывал, что плотность сельского населения в своих изменениях может не совпадать с изменениями в интенсивности; она может расти быстрее интенсивности сельского хозяйства или медленнее; возможность разницы в темпе эволюции плотности населения и в темпе эволюции интенсивности сельского хозяйства была признана; но это не уничтожало того положения, что плотность сельского населения является основным фактором в организации хозяйства.

Такая точка зрения имела под собою глубокие основания для использования её в России.

Русское крестьянское хозяйство в огромной своей части являлось потребительно-трудовым хозяйством; население этих хозяйств, размножаясь, в большой своей части оставалось при земле; та же земля должна была давать больший доход, чем раньше, чтобы прокормить более густое население.

Русское крестьянское хозяйство в большей своей части жило, сохраняя земельную общину с её периодическими переделами; при новых переделах приходилось всё меньше земли на 1 душу населения; это в совершенно очевидной форме выдвигало вопрос об интенсификации, и крестьянство искало выхода, как умело, и насколько это позволяли внешние условия.

В то же время, вместе с ростом плотности, возрастал и запас рабочих рук при земле; это делало возможным увеличивать трудоинтенсивность хозяйства. И действительно, географически интенсивность сельского хозяйства соответствовала плотности сельского населения.

Отдельно однако ни рынок, как фактор, ни плотность, как фактор, не могут разрешить вопроса; они не дают всего объяснения эволюции хозяйства; соединение этих двух точек зрения подвигает нас значительно вперед, и это соединение делается далеко не механически; в большой своей части оно может быть сделано совершенно синтетически и именно следующим образом.

Если взять группу хозяйств, живущих натуральным хозяйством, то эволюция систем сельского хозяйства будет почти целиком определяться ростом плотности населения в этих хозяйствах.

На некоторой ступени этой эволюции хозяйство не может далее интенсифицироваться, сохраняя гармоническое соотношение между отдельными своими

отраслями; хозяйству придется выбирать некоторые более интенсивные отрасли и специализироваться на них; но для этого оно должно иметь возможность продавать на сторону продукты этих более интенсивных отраслей; хотя хозяйство будет искать и нуждаться в рынке, но инициатива эволюции ещё принадлежит взрастающей плотности населения.

С того момента, когда между хозяйством и рынком связь установилась, инициатива эволюции уже может принадлежать рынку; рынок, предъявляя спрос на продукты более интенсивных отраслей, позволяет хозяйству специализироваться на них и давать доход для увеличивающегося сельского населения.

В дальнейшем и рынок, и плотность могут выступать самостоятельно, как инициативные факторы; в реальной жизни рынок чаще выступает, как самостоятельный инициативный фактор; в особенности Америка богата этими примерами.

Но в то же время при некоторых сопутствующих условиях рост плотности есть одновременно и создание местного рынка для сельскохозяйственных продуктов; это достигается как путем увеличения доли не сельскохозяйственного населения, так и путем появления рынка для сельскохозяйственных продуктов в лице самого сельскохозяйственного населения.

Наличие рынков создает вблизи их в свою очередь возможность для быстрого уплотнения сельскохозяйственного населения, как это обычно бывает вблизи больших городов.

Всё это ясно показывает, насколько рынок является более широко охватывающим фактором, чем плотность; в лице железных дорог рынок проникает в самые малозаселенные районы и проделывает там иногда настоящую сельскохозяйственную революцию; так, например, было в России, в Сибири, после 1896 года, когда по Сибири была проведена железная дорога, соединившая её с рынками Европейской России и Западной Европы.

Намечаемый синтез в понимании плотности рынка лишь частичен; рынку, как фактору эволюции, должно принадлежать самостоятельное историческое значение; так же, как и плотности сельского населения принадлежит самостоятельно значение, в особенности, в первые периоды истории сельского хозяйства.

Густая плотность сельского населения связана с созданием *местного* рынка и его влиянием на сельское хозяйство; но *неместный, дальний* рынок возникает и существует без синтетической связи с плотностью сельского населения тех отдаленных районов, на которые рынок распространяет свое воздействие.

Наряду с только что рассмотренными двумя факторами целый ряд русских экономистов (и в особенности профессор Скворцов) выставляли воздействие *природных*

условий. При этом намечалась такая концепция: с ходом истории сельское хозяйство из натурального и гармонического превращается в рыночное и специализированное; выбор и размещение тех или иных специальных отраслей делается в согласии с местными природными условиями; в результате сельское хозяйство стремится как-бы отобразить в своей организации местные природные условия.

Являясь недостаточно обоснованной концепцией, если пытаться выдвигать её как вполне исчерпывающую и всё объясняющую, она не только не противоречит, но и хорошо сочетается с предыдущими двумя точками зрения.

Таким образом и здесь мы принципиально отказываемся от монистического объяснения эволюции: несколько факторов сразу влияют на эволюцию сельского хозяйства; при этом сами факторы могут быть, а частью и должны быть в *синтетической связи* между собою.

Если систематизировать эти факторы, то они расположатся следующим образом.

I. Природные	II. Экономические		III. Технические	IV. Остальные. Общественные условия
Климат (температура и осадки), почва, подпочва.	Внутрихозяйственные	Межхозяйственные	1) селекция растений и животных. 2) приемы обработки почвы. 3) Орудия и машины. 4) удобрения. 5) Строительное искусство.	1) Право (закон и обычай). 2) Этика. 3) Религия. 4) Нация.
	Обеспеченность сельского населения а) земель (цена земли, плотность населения), б) капиталом (цена, количество), в) трудом (цена, количество).	а) Наличие местных рынков для с.х. продуктов, для труда, для капитала (общая плотность населения и % несельскохозяйств. Населения); б) неместные рынки для с.х. товаров, для рабочих рук, для капитала (емкость, цена).		

Из приведенной схемы факторов эволюции нами до сих пор были мало затронуты группы III и IV.

Эволюция техники явилась колоссальным фактором эволюции сельского хозяйства; она затронула не только организацию хозяйства, но и эволюцию социальных отношений.

Технику можно считать, как *качественное* изменение организации производства, благодаря которому на единицу продукта затрачивается меньше труда, капитала и земли.

Благодаря развитию техники совершается трудоинтенсификация хозяйства, так как то же направление сельского хозяйства в том же размере может вестись с меньшими затратами труда при увеличении затрат капитала. Средние (кукурузные) штаты северной Америки являют этому особенно яркий пример; и целый ряд американских исследователей полагает, что этим и можно объяснить убыль сельского населения в этих штатах за два последних переписных периода.

Благодаря развитию техники, растет производительность труда, сопровождаемая капиталоинтенсификацией; это ведет к ускоренному накоплению богатства, к увеличению выгод от использования наемного труда и, следовательно, к изменению социальных отношений в сельском хозяйстве.

Американское сельское хозяйство отличается от европейского в значительной мере в этом пункте: техника, как фактор, играла гораздо более выдающуюся роль здесь, чем в Европе; конечно, появление и значение этого фактора в свою очередь обусловлено многими другими условиями, в значительной степени лежащими вне сельского хозяйства.

Мы не будем останавливаться на юридических, этических, религиозных, национальных и других факторах. Роль и значение их бесспорны. Они вносят глубокое историческое влияние на эволюцию сельского хозяйства и создают те резкие отклонения от общих эволюционных схем, которые только историческая действительность может давать.

В множественности факторов и лежит причина, почему ни эволюция организации сельского хозяйства, ни эволюция социальных отношений в сельском хозяйстве не могут повторяться во все времена и во всех странах. Разные качественные и количественные сочетания одних только исторических факторов дадут бесконечно большое число исторических изменений сельского хозяйства.

Не может быть поэтому сделан в частности и абсолютно полный синтез социальной и организационной точек зрения на сельское хозяйство, ибо одни и те же факторы (особенно неэкономические) далеко не одинаково влияют на социальные и внутрихозяйственные организационные отношения.

7. Типы эволюции сельского хозяйства.

В виду того, что существует целая система факторов эволюции, характер изменения сельского хозяйства в разных странах глубоко различен.

Но и при практическом, и при теоретическом мышлении мы нуждаемся в схематизирующих генерализирующих понятиях для того, чтобы понимать историческую действительность; поэтому и для сельского хозяйства нам приходится типизировать его исторические процессы так же, как типизировать факторы этих процессов и их воздействие.

Такие типизированные построения могут быть довольно далекими от реальной действительности, но они могут служить как полезные рабочие схемы для того, чтобы лучше понимать конкретную действительность.

Типизация исторических процессов может происходить при помощи различных методов; но одним из главных методов будет типизация при помощи изменения *темпа эволюции того или другого или нескольких факторов*.

При такой типизации качественные изменения факторов фактически принимают во внимание, так как ими отчасти и обуславливают самые изменения темпов. Темп или быстрота эволюционных изменений и должны быть положены в основу типизации исторических процессов. Поясним несколько нашу мысль.

Эволюция различных отношений, плотности и техники влияет на эволюцию сельского хозяйства. Каждый из трех факторов эволюции может обладать своим темпом эволюции.

Предположим, например, что рыночные отношения развиваются медленнее, чем растет плотность, и изменяется техника; тогда нам становится ясным тот тип эволюции сельского хозяйства, который будет иметь место: сгущающееся население не будет иметь выхода в специализации хозяйства для сбыта продуктов на рынок, а следовательно и в соответствующей интенсификации; интенсификация хозяйства может происходить или в форме роста натуральных элементов хозяйства, или сохраняя прежнее направление хозяйства; при этом, однако, в виду отставания техники доход хозяйства не сможет поспевать за ростом населения; население будет беднеть (богатство в расчете на 1 голову населения); социальные отношения не могут характеризоваться усиленным развитием группы «капиталистически-трудовых хозяйств», так как для них нет соответствующей обстановки.

Эволюция сельского хозяйства в центрально-земледельческой полосе России в 70-90-х годах и представляла собою как раз этот вариант эволюции, обусловленный более замедленным ростом двух условий (рынка и техники) при ускоренном росте третьего (плотности).

Представим себе теперь обратный случай: плотность сельского населения растет медленнее, чем растут рыночные отношения и техника. В таком случае рынок, давая хозяину выгодные цены на сельскохозяйственные продукты, будет толкать его на перестройку хозяйства; возможна будет и специализация хозяйства, и интенсификация; при всем этом, благодаря росту техники, а следовательно и росту производительности труда и капитала, богатства будут накапливаться быстрее, быстрее будет происходить капиталоинтенсификация хозяйства; а мы знаем, что эти изменения ведут к развитию капиталистически-трудовых форм.

Американское фермерское хозяйство в значительной мере представляет собою этот вариант, и действительно в нем соотношение скоростей в эволюции отдельных факторов шло в соответствии с предположениями данного варианта.

Предположим, наконец, что более замедленно развивается плотность и техника, а развитие рыночных отношений обладает большей скоростью; тогда мы увидим, что хозяйство будет развиваться больше в сторону или равномерной интенсификации (и капиталоинтенсификации, и трудоинтенсификации), или больше в сторону одной трудоинтенсификации; медленное развитие техники склонно задерживать рост капиталоинтенсивности; поэтому, как мы уже знаем, будут создаваться условия, более способствующие развитию потребительно-трудовых форм хозяйства, как хозяйств, могущих идти на интенсификацию преимущественно в форме трудоинтенсификации.

Мы не останавливались на разборе воздействия городского капитализма на социальные отношения деревни вместе с ростом рыночных отношений; введение этого момента осложнило бы ещё больше наш анализ и внесло бы новые варианты в наши типы; эти варианты касались бы главным образом *пределов* развития капиталистически-трудовых форм; соотношением производительности труда, заработной платы, условий работы и т.д. в городе и деревне в значительной мере решается вопрос о пределах развития сельского капитализма; в виду краткости нашего изложения мы можем лишь ограничиться только что сделанным замечанием относительно умножения числа вариантов или типов эволюции сельского хозяйства.

Таковы первые приемы типизации; мы не останавливаемся здесь на статистических приемах установления темпа эволюционных процессов; нам важно лишь подчеркнуть, что, поскольку рассматриваемая типизация эволюции является связанной с *темпом* эволюционных процессов, постольку на второй ступени этой теоретической работы уже выступает вопрос о *количественных* измерителях.

Изучая и устанавливая количественные коэффициенты роста населения, рыночных отношений, даже техники, а затем отдельных элементов хозяйства, мы подходим к установлению *количественно выраженных типов эволюции*; отправные количественные коэффициенты могут быть взяты из действительности, сами типы эволюции могут быть построены искусственно (арифметически-дедуктивно) и быть только «идеальными типами», они должны быть рассматриваемы в этом случае, как всякий «идеальный» масштаб или мера (длины, веса, объема и т.п.); в этом случае это лишь масштабы исторических процессов; назначение этих масштабов – быть измерителями, помогать нам при познании и при оценках исторических процессов в сельском хозяйстве; их роль кончается, как только кончается самое измерение или оценка.

Рассматривая в настоящей главе проблема ещё совершенно новая; она вызывает не мало теоретико-методологических возражений из области неповторяемости и типизации исторических процессов; она обставлена исключительными технико-статистическими

трудностями для своего выполнения; но так или иначе она может, а с точки зрения истории сельскохозяйственной науки и должна быть поставлена.

Может быть, после установления количественно выраженных типов эволюции сельского хозяйства возможно перейти к пересмотру и теоретико-методологических положений, касающихся возможности или невозможности типизировать исторические процессы.